

Problems of building legal structures of special crimes

N. A. Bachigina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-2-280-287

Research article
Full text in Russian

The article considers the criminal law structure as a way of constructing a special corpus delicti. The author highlights the problems that arise as a result of ignoring the requirements of legislative technique, and also suggests a number of rules, compliance with which will exclude errors that entail difficulty in applying criminal law norms. In particular, it is proposed to exclude the association of acts with different levels of public danger in one definition. The author also considers it necessary to design a special composition in the hotel norm, unlike qualified compositions.

In addition, the author analyzes the process of transformation of the general corpus delicti into a special one, highlighting the key points of such a transformation.

Keywords: legal technique; legislative technique; special corpus delicti; legal construction; criminal law construction; construction

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Bachigina, Nataliia A. | E-mail: bachigina95@mail.ru
| Postgraduate

Проблемы построения юридических конструкций специальных составов преступлений

Н. А. Бачигина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-2-280-287
УДК 343.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается уголовно-правовая конструкция как способ построения специального состава преступления. Автор выделяет проблемы, которые возникают вследствие игнорирования требований законодательной техники, а также предлагает ряд правил, соблюдение которых позволит исключить ошибки, влекущие трудность применения уголовно-правовых норм. В частности, предлагается исключить объединение в одной дефиниции деяний, имеющих разный уровень общественной опасности. Также автор считает необходимым конструировать специальный состав в отдельной норме, в отличие от квалифицированных составов.

Кроме того, анализируется процесс трансформации общего состава преступления в специальный, выделяются ключевые моменты такого преобразования.

Ключевые слова: юридическая техника; законодательная техника; специальный состав преступления; юридическая конструкция; уголовно-правовая конструкция; конструирование

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бачигина, Наталия Алексеевна | E-mail: bachigina95@mail.ru
Аспирант

Специальный состав преступления, будучи важнейшей категорией в области конкуренции составов преступления, до сих пор остается недостаточно исследованным во многих аспектах. Его дефиниция, сущность, виды, правила конструирования нуждаются в детальной проработке, так как доктринальные пробелы в данной тематике приводят к серьезным последствиям на практике: к загроможденности Уголовного кодекса неприменяемыми составами, созданию необоснованной конкуренции норм, усложнению и без того непростой работы правоприменителя.

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Задавшись целью исследовать проблемы построения юридической конструкции специального состава преступления, обратимся сначала к его природе. Процесс образования специального состава представляет собой усложнение общего состава путем уточнения одного или нескольких элементов, вследствие чего состав преобразуется в более конкретный, то есть специальный. При этом трансформация общего состава в специальный, несмотря на кажущуюся легкость, представляет собой весьма сложный процесс, халатное отношение к которому может привести к серьезным проблемам. Возникает закономерный вопрос: на что же может опираться законодатель при инженерии специальных составов? И на наш взгляд, базой должна являться грамотно выстроенная юридическая конструкция.

По мнению Р. Иеринга, удачная конструкция является не чем иным, как юридическим подвигом, который никогда не потеряет цены [1, с. 92]. Действительно, переоценить значение правильной юридической конструкции невозможно, так как именно она, являясь абстрактной моделью, на основе которой может быть создана норма права, во многом предопределяет ее жизнеспособность.

Юридическая конструкция являлась и является объектом исследования многих ученых. В. К. Бабаев определяет ее как специфическое построение нормативного правового материала [2, с. 375]. М. Л. Давыдова рассматривает ее как «идеальную модель» [3, с. 152], С. С. Алексеев – как «типовые образцы, схемы, в которые облекается правовой материал» [4, с. 145–146]; А. Г. Матвеев, выдвинувший позицию о том, что в доктрине понятие «юридической конструкции» является слишком размытым, предложил рассматривать ее в качестве «абстрактной идеальной модели, которая отражает, конституирует или интерпретирует взаимосвязь юридических явлений и/или их элементов либо определяет место данных явлений в правовой системе» [5, с. 75].

Для анализа проблем конструирования специальных составов преступления воспользуемся термином, предложенным А. В. Иванчиным, «уголовно-правовая конструкция», под которой он понимал средство техники построения уголовного законодательства [6, с. 89]. В законодательной технике уголовно-правовой конструкцией является состав преступления.

Итак, в процессе конструирования специальных составов преступления в первую очередь мы считаем недопустимым объединение в рамках одной диспозиции статьи Уголовного кодекса разных по уровню общественной опасности деяний. Ярким примером нарушения данного требования является конструкция специального состава преступления в ст. 317 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа.

Вопросов с точки зрения законодательной техники данная статья вызывает очень много. Так, согласно п. 5 Постановления Пленума Вер-

ховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14, «под посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, а равно их близких в статье 317 УК РФ понимается убийство или покушение на убийство таких лиц»¹. Во-первых, вызывает непонимание конструирование состава через термин «посягательство». В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой под посягательством понимается «попытка (незаконная или осуждаемая) сделать что-н., распорядиться чем-н., получить что-н.» [7], то есть в общеупотребимом смысле «посягательство» понимается в первую очередь как «попытка». И только Постановление Пленума Верховного Суда РФ уточняет, что законодателем, оказывается, имелось в виду не только покушение, но и оконченное преступление – убийство. Но как можно в термин, который в его общеупотребимом значении подразумевает менее тяжкие последствия, описанные в диспозиции уголовно-правовой нормы, включать те самые тяжкие последствия с помощью Постановления Пленума Верховного Суда РФ – неясно.

Далее в п. 5 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ делается оговорка, что независимо от наступления общественно опасных последствий не требуется ссылка на ч. 3 ст. 30 УК РФ, раскрывающую понятие покушения². Соответственно, при назначении наказания не учитывается и ст. 66 УК РФ, часть 4 которой предусматривает, что смертная казнь и пожизненное лишение свободы за приготовление к преступлению и покушение на преступление не назначается. Получается, что независимо от того, совершено ли убийство или только покушение на убийство сотрудника правоохранительного органа, виновный может быть приговорен к смертной казни или пожизненному лишению свободы, не говоря уже о том, что срок или размер наказания за покушение на преступление, согласно положениям Общей части, не может превышать трех четвертей максимального срока. А где в данном случае соблюдение принципа справедливости – основополагающего принципа, который должен быть «фундаментом всех норм уголовного права» [8, с. 9]? К сожалению, данный вопиющий вопрос остается без ответа. Но избежать данных проблем можно было бы просто, сконструировав состав, который бы содержал две части, одна из которых предусматривала бы ответственность за покушение, а вторая – за убийство, а также используя термины, которые почему-то перенесены в Постановление Пленума Верховного Суда – «покушение»

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, август 2023 г. № 8

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023 г. № 8.

и «убийство» вместо обобщающего два разных по уровню общественной опасности деяния – «посягательство».

Вторая проблема уголовно-правовых конструкций специальных составов преступления кроется в вопросе о том, можно ли общий и специальный состав преступления объединять в рамках одной статьи УК РФ, в разных ее частях?

Согласно идеальной модели конструирования уголовно-правовых норм, в разных частях одной статьи разумно располагать основной и квалифицированные составы преступления [9, с. 67]. Каждая последующая часть предполагает более высокий уровень общественной опасности, а соответственно, более строгое наказание. При этом, на наш взгляд, общий и специальный составы преступления должны располагаться в разных статьях УК РФ. Кроме того, допустимо их нахождение в разных главах и разделах УК РФ. Данное правило обосновано тем, что специальный состав чаще всего выходит за пределы одного объекта уголовно-правовой охраны и отсутствие привязки к одной статье обеспечивает сохранение структуры, логичности и концепции УК РФ. Кроме того, квалифицированный состав сформулирован обычно очень кратко, например: «совершенное с особой жестокостью», «из хулиганских побуждений», «в отношении двух или более лиц» – со ссылкой на основной состав, в то время как специальный состав сформулирован, напротив, более конкретно и казуистично, а значит, более широко, нежели общий состав. Нахождение общего и специального составов преступления в одной статье УК РФ сделает ее непомерно большой, что затруднит восприятие.

Стоит также отметить, что квалифицированный состав всегда привязан к основному составу, что подтверждается его формулировкой через «то же деяние», «деяние, предусмотренное частью первой». Однако специальный состав формулируется через уточняющие признаки, а значит, его конструирование через абстрактные формулировки со ссылкой на общий состав недопустимо.

Ярким примером неэффективности уголовно-правовой нормы вследствие нарушения правил ее конструирования является ст. 141 УК РФ: воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательной комиссии. Часть 3 данной статьи образует специальный состав к общему составу, предусмотренному частью 2. При этом она не выделена в отдельную норму, а сформулирована по правилам конструирования квалифицированных составов. Также часть 3 является слишком громоздкой и содержит 72 слова при рекомендованных нормах не более 7–8 слов [10, с. 15], что затрудняет ее восприятие даже профессиональным юристом. Ее санкция вполне сопоставима с общим составом, что вызывает вопросы об обоснованности выделения специального состава. Кроме того, встает риторический вопрос: как соотносится название статьи 141 с ее 3 частью,

в которой нет указания на воспрепятствование осуществлению избирательных прав? И последствия игнорирования законодательной техники весьма плачевны: норма фактически относится к разряду «мертвых», неприменяемых составов.

Аналогичным образом сконструирован состав «предпринимательского» мошенничества, содержащийся в ч. 5–7 ст. 159 УК РФ. Во-первых, абсурдно с точки зрения законодательной техники выглядит использование в разных значениях одного и того же термина в одной статье кодекса. Так, «крупный и особо крупный размер», используемый в ч. 3, 4, увеличивается в 18 раз в ч. 6, 7 соответственно. Во-вторых, ч. 4 ст. 159 УК РФ предусматривает ответственность за преступление, которое ст. 15 УК РФ отнесено к категории тяжких. По логике и концепции УК РФ ч. 5–7 ст. 159 УК РФ должны быть также тяжкими либо особо тяжкими преступлениями, предусматривающими еще более строгое наказание. Однако ч. 5 ст. 159 УК РФ предусматривает ответственность за преступление средней тяжести, а ч. 6, 7 – вновь за тяжкое преступление.

Далее предлагаем проанализировать, как могут модифицироваться элементы состава преступления общего состава, трансформирующие его в специальный, и что необходимо учитывать для исключения ошибок.

Исходя из природы специального состава преступления, один или несколько его элементов являются конкретизированными, «обрастают» дополнительными обязательными признаками. Чаще всего специальный состав преступления является двуобъектным / многообъектным, чем, кстати, может быть объяснена и причина дифференциации уголовной ответственности в специальном составе: ведь если преступление посягает на несколько видов охраняемых уголовным законом общественных отношений и социальных благ, становится ясно, почему оно подразумевает более строгую санкцию. При этом основной объект общего состава преступления обычно является дополнительным объектом специального состава, в то время как основным объектом выступают иные охраняемые общественные отношения. Например, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ, является жизнь, а специального состава, предусмотренного ст. 264 УК РФ – безопасность движения и эксплуатации транспорта (основной), жизнь/здоровье (дополнительный). Таким образом, непосредственный объект общего состава должен быть объектом и специального состава, хотя и не всегда основным.

Механизм преобразования объективной стороны в специальном составе состоит в раскрытии абстрактно описанных элементов объективной стороны общего состава. Например, ст. 292 УК РФ – общий состав, предусматривающий уголовную ответственность за служебный подлог, раскрывает само понятие «служебный подлог» и не описывает конкретных способов его совершения, в то время как специальный состав, предусмо-

тренный ст. 170.2 УК РФ, содержит конкретный перечень деяний. Второй путь – это придание факультативным элементам объективной стороны статуса обязательных с помощью указания на них в диспозиции статьи. Например, общий состав (ст. 125 УК РФ) преобразуется в специальный (ст. 270 УК РФ), в том числе с помощью указания на обстановку совершения преступления – на море или на ином водном пути. Как видно из данного примера, конкретизируется не только один элемент общего состава – объективная сторона, но и объект, и субъект преступления.

Важно отметить, что законодатель должен соблюдать разумную грань между желанием конкретизировать какой-либо элемент и необоснованной перегрузкой нормы. На такую ошибку уже многократно обращали внимание в доктрине уголовного права. Так, А. В. Иванчин, внесший большой вклад в разработку законодательной техники, отмечал, что конкретизация способов или последствий теряет смысл, если она оканчивается через оборот «и иные», ввиду того, что в конечном счете все перечисленное расширяется более общим понятием [11, с. 67]. Однако такие нормы до сих пор содержатся в УК РФ. Например, в ст. 185.4 УК РФ, специальном составе к ст. 169 УК РФ перечисляется довольно внушительный перечень способов воспрепятствования осуществлению или незаконного ограничения прав владельцев ценных бумаг, а затем указано «и иное воспрепятствование».

Когда речь идет о субъекте преступления, самое главное, что необходимо иметь в виду, это то, что в специальном составе конкретизируются не общие признаки субъекта преступления, содержащиеся в ст. 19 УК РФ, а признаки субъекта общего состава. Например, несмотря на то что в составе ст. 285 УК РФ субъект преступления уже является специальным, в специальном составе – ст. 305 УК РФ субъект становится еще «более специальным» – не любое должностное лицо, а только судья. В связи с чем ошибочно отождествлять «специальный субъект» и «субъект специального состава преступления».

Субъективная же сторона специального состава преступления может преобразовываться в достаточно ограниченном формате. Форма вины не подлежит изменению: не может умышленное преступление трансформироваться в неосторожное или наоборот, как его не конкретизируй. Однако обязательными могут становиться факультативные признаки. Например, общий состав преступления, предусмотренный ст. 167 УК РФ предусматривает лишь наличие умысла, в то время как в специальном составе – ст. 215.2 УК РФ становится обязательным наличие корыстных или хулиганских побуждений.

Таким образом, в настоящее время назрела острая необходимость в разработке правил конструирования специальных составов преступления. Предлагаем выделить следующие требования к их юридической кон-

струкции: 1) разные по уровню общественной опасности деяния не могут содержаться в одном составе преступления; 2) общий и специальный составы преступления должны находиться в разных статьях УК РФ.

Ссылки

1. Иеринг Р. Юридическая техника. О существе юридического формализма / пер. нем. яз. А. В. Поляков. СПб., 2014. 163 с.

2. Теория государства и права: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В. К. Бабаева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2007. 637 с.

3. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 318 с. EDN QRDKKX.

4. Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1973. Т. 2. 401 с.

5. Матвеев А. Г. Размыывание понятия «юридическая конструкция» в российской теории права // *Ex jure*. 2024. № 2. С. 63-77. DOI 10.17072/2619-0648-2024-2-63-77.

6. Иванчин А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: дис.... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002. 201 с.

7. Толковый словарь Ожегова / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 1949-1992. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/176074> (дата обращения 10.10.2024).

8. Антонов А. Г. К вопросу о содержании принципа справедливости в уголовном праве // *Уголовная юстиция*. 2020. № 15. С. 8-10. DOI 10.17223/23088451/15/2.

9. Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве: монография. СПб.: Юрид. центр, 2005. 198 с.

10. Третьякова Н. С. Лингвистические особенности уголовно-правовых норм об ответственности за хищения: автореф. дис ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 18 с.

11. Иванчин А. В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. 206 с. EDN: QRYOCL.